

ДНЕВНИК М.А.КУЗМИНА

26 августа 1905

В Петербурге я разгулялся. Был в парикмахерской; я очень люблю, чтобы с моим телом что-нибудь проделывали, осторожно касаясь, поворачивали, трогали. Когда у человека лицо так близко, поневоле его разглядываешь. У мастера, всегда меня стригущего, безусое лицо серого цвета, белокурые, прямо торчащие волосы, серые глаза и красивый рот. Глаза и губы в лице — то, что наиболее волнует и влечет, хочется как-то их выпить, другого выражения я не подберу. Очень редко у человека бывает красивый рот; прежде у меня его хвалили даже незнакомые, у сестры он главное, что молодит и красит ее лицо. Рты у Кудрявцевых вроде устриц или портмоне, приклеены поверх лица, — как их целовать?! А рты, выпяченные, слюнявые, как пирожки, обвисшие, — как их и целовать?

27 августа 1905

Часто я думаю, что иметь друга, которого любил бы физически и способного ко всем путям в искусстве, эстетика, товарища во вкусах, мечтах, восторгах, немножко ученика и поклонника, путешествовать бы по Италии вдвоем, смеясь, как дети, купаясь в красоте, ходить на концерты, кататься и любить его лицо, глаза, тело, голос, иметь его — вот было бы блаженство. Я не имею в виду никого определенного, конечно. Общество Алкивиада, друзей Ромео, все веселые, привольные компании Боккачио имели ли они ту пошлость и, в сущности, скучность, как современные веселящиеся молодые люди? Я думаю, отчасти да, и, конечно, не имели самопостижения такого, как мы, эпигоны, о них имеем. И нам доступнее, понимая, трепеща и любя, стремиться к жизни и отворачиваться при виде ее действительных пошлых сторон, чем жить, не думая, быть деятелем, кавалером, хозяином, без понимания красоты своего бытия. И не убивает ли прозрение красоты действия, самой дееспособности? Дело наше сложно. Мне неприятно, когда смеются над его волокитой, эфемерностью и тетиной путаницей, хотя, конечно, это глупо. Достанет ли мне Казаков? День чудный, но болит голова и довольно кисел в общем.

1 сентября 1905

Вечером был у Каратыгина,¹ были: Верховский,² Конради,³ Люклу и Мирра Бородина; ругают Дебюсси⁴ на счет Бейера, играли Дюкас,⁵ читали роман;⁶ барышни слушали с напряженным вниманием, в критические минуты корчась и падая на диван, и резюмировали: "столько таланта на это?" Дура! О сюжете с эстетической стороны не было и речи, предъявляли только некоторые претензии в мелочах. Люклу наиболее поддерживал меня. Конради заявил, что больше чем кому бы то ни было мне следует писать, только удивился, что у меня манера писать полуфранцузская, полу-Пушкышевского. Возвратясь во втором часу, я нашел оставленную котлету и даже стакан с водой, меня это тронуло.

4 сентября 1905

Сегодня мои стремления менялись с каждым поворотом солнца. Заказав книги по Египту в библиотеке, я взял Жюссера об Англии⁷ и вот Возрождение меня снова охватило своими родными руками. Мы поехали к Анджиновичу; открытая конка медленно тащила нас по незнакомым темным улицам с освещенными трактирчиками, где через открытые окна были видны простые посетители; светила луна, и все почему-то напоминало мне Италию, Шекспира и Мюссе. О, города летом, в ясную ночь с открытыми окнами, какое поле, какой лес сравнится с вами.

7 сентября 1905

Приехала тетя; после обеда пошел с Сергеем⁸ в библиотеку; там все мне дали, что я просил, и я забылся, погрузившись на время в Albert и Piovano Ariotto.⁹ Мне все приходит на ум Мюссе,¹⁰ легкая любовь, слегка байронизм, бездельные донжуанствующие и резонирующие герои, обожание Италии. Если бы было время читать каждый день Шекспира, я был бы вдвое добрее.¹¹ Зарыться бы теперь в какую-нибудь дыру, никого не слышать, не видеть и лежать целый день на кровати без сапог. А как долго я не видел Гриши, не чувствовал его скул и челюстей под щеками, когда их целуешь. Обрато мы ехали на верхушке конки; двое пьяных скандалили всю дорогу с солдатом; сначала было смешно, вроде Чехова, но потом пошли пьяные выкрикивания с надрывом, какая-то Достоевщина. Пьяного высадили, он опять через минуту влез, его отправили в участок, и я дал свой адрес, чтобы, в случае нужды, меня вызвали свидетелем. Какой-то человек обрушился на меня, запо-

дозревая, что я себя выдаю за другого и что я еврей и разное пустое, и он пошел за нами, и все ворчал, и когда мы вошли в подъезд, он еще раз крикнул "жидовская морда". Меня столько раз принимали за еврея, что мне это все равно, но я понял мое отвращение от блестящих грязью улиц Петербурга под зажженными фонарями, от Подъяческих и т.п. Это именно достоевщина, психоз, надрыв, Раскольников, полупьяная речь, темнота, безумия, самоубийство. Это то, от чего я содрогаюсь и чего не хочу и не понимаю; и мокрая, грязная панель вечером на узкой с пьяными и рабочими улице Петербурга, - это символ. Темная вода Невы, какой ужас. Представляется бултыханье тела, участок, утопленник, все грубое, темное, грязное и в нелепости трагическое и ненужное, и живое. Тогда уже Бальзак или Мюссе. Нет, день - мой вождь, утро и огненные закаты, а ночь - так ясная, с луной из окна. Письмо от Юли.¹² Если бы я не был в таком стесненном положении, оно бы очень порадовало меня. И сегодня я очень кстати начал писать "Гармахиса".¹³

10 сентября 1905

Сегодня утром было очень свободно писать, так как я встал, когда все уже ушли, даже тетя и Варя,¹⁴ но я больше смотрел в окно на прохожих и на леса за Охтой. Я обратил внимание на группы Пашковских служащих, где Прак. Степ. это же лицо, только несколько молодцоватее, славнее. Тогда они жили в Нижнем, Лидия Степановна была в полной своей поззии, казалось так светло и уютно. Отчего так много в прошлом кажется залитым таким не ожидающимся в будущем солнцем, и Саратов, и Нижний, лето в Черном, Василе¹⁵ и даже столь недавняя поездка с Казаковым в Олон. губернию.¹⁶ А другое не кажется, например, первое время в Петербурге и потом время, когда я посещал Варини вечеринки, одно из самых тяжелых и мрачных почему-то воспоминаний. При всей легкомысленности и жажде наслаждений у меня какая-то совсем не русская, очень буржуазная потребность порядка, выработанной программы занятий и нелюбовь вечеров вне дома. Я счастлив, когда это налаживается, т.е. я могу только так быть продуктивным, иначе и предвкушения и воспоминания меня значительно лишают покоя, нужного для нити творчества. Собственно говоря, спокойнее, счастливее и уютнее всего мне бы в мое раскольниковье¹⁷ - русскую полосу. И притом это - всего дешевле, имея исходной точкой, что все - грех и тщета. Но это к которому и призывает иногда малодушие, давно превзойденное.

13 сентября 1905

Я понимаю, что может быть предел, после которого уже не стыдно и не страшно никого и только живы примитивные и глубочайшие инстинкты. И тогда можно лечь спать под лошадей, ничего не думая и т.п. Бродяги, пьяницы, юридивые, святые - именно люди этой категорий; и в этом есть какое-то безумие и какое-то прозрение.

15 сентября 1905

Написав письма Грише и Чичериным, читал Лонга "Дафнис и Хлок",¹⁸ видел днем солнце и в минуты темноты ветер говорил об ее кратковременности, писал "Гармахиса", читал своих итальянцев в библиотеке. Но бедный Сережа совсем не понимает точки зрения Евлогия Ан. Франса¹⁹ и толкует об апатии. Мне бы нужно было перо Гольдони,²⁰ чтобы передавать сегодняшние настроения. Итак в путь. Читая "Дафниса", я ясно вижу, насколько у меня выйдет не то и радуюсь и приветствую это.

16 сентября 1905

Сегодня, сбрав усы и бороду, был встречен гомерическим хохотом ребят и неодобряющим сожалением взрослых. Сам я еще не привык к своему новому лицу, в нем есть что-то и очень пожившее и очень молодое в глазах, и виден рот, прежняя моя слава, теперь какой-то сжатый, неискренний, насмешливый и вместе с тем свежий и не раскисший.

18 сентября 1905

Составил план повести.²¹

22 сентября 1905

Сегодня утром я так скучал, как редко, почти до слез и все думал о прошлом. Потом, пройдясь и выбрившись, воспрянул несколько духом. Почти никогда я так не привлекался к XVIII²² веку и когда вечером М-м Костриц нашла, что у меня вид Казановы²³ или Калиостро,²⁴ это было лучшей для меня похвалой. [...] У Лид.М. были гости, я читал свои "Крылья", и Л.М. меня зарисовывала углем и в виде виньетки. Нат.Андр. находит, что так лицо интереснее своею загадочностью.

24 сентября 1905

Сегодня солнце, и я гулял по Морской после парикмахерской. Когда я в магазине увидел свое лицо в зеркале, я старался взглянуть как на постороннее и действительно увидел господина с черными глазами за золотым пенсне, с бритым напудренным подбородком, свежим, не раскисшим, а суховатым ртом, с какой-то скрытой подозрительностью, лицо, которое что-то таит и скрывает, идеальный аскетизм или порочность, новое ученье, или шарлатанство. Ничего подобного не было видно с бородой. Тогда просто - адвокат или корреспондент. С большой Винчи-евской бородой еще лучше бы.

25 сентября 1905

Мне приятно, что было уютно на Серезины²⁵ именины и что ему было приятно и что это было отчасти потому, что я живу с ними.

26 сентября 1905

Сегодня предполагалось после завтрака идти в библиотеку, а вечером на портретную выставку, но был такой дождь, что мы с Сережей добрались только до парикмахера, где он ассистировал меня при бритье. У нас была тетя, так что я мало читал, хотя с утра и писал. От Юши получил прекрасные снимки с Примавера²⁶ и 2 Burne-Jones.²⁷ Это меня крайне тронуло. В такое время, вовсе не имея лишних денег, он вспомнил про Боттичелли и англичан, моих слабостей. Выставка²⁸ крайне интересна, но ее нужно смотреть десять раз подробнейшим образом, но я нахожу все такое увлечение Воровиковским²¹ и Левицким³⁰ раздутым, есть какая-то доморощенность, а заезжие иностранцы Лебрен³¹ и Каравак³² - придворные выложенные льстецы и полулакеи. Интереснее всего Никон с XVII в (лучшая сатира, притом невольная), Павел работы Тончи,³³ лицо Сумарокова - Эльстон³⁴ работы Серова,³⁵ в которое можно влюбиться и которое очень подозрительно, и роскошь для глаз, роскошь красок; Васнецов, Ге, Крамской,³⁶ как это устарело! В общем я очень бодр; и наш XVIII век какой-то все-таки грубый, лакейский.

29 сентября 1905

Когда я шел домой по узкой темной улице, я думал, что красоту и прелесть жизни я лучше всего постигаю в Возрождении и XVIII в., но сложные, смутные настроения при дымных закатах в больших городах, до

слез привязанность к плоти, печаль кончившихся вещей, готовность на лишения, какая-то пророческая веселость, вакхика и мистика и сладогострастие - это мне представляется или в древних культурах смешанных, Рим, Александрия, или почти в еще будущей современности. Итальянцы же Возрождения, несмотря на Лоренцатто, на Цезаря Борджиа, все-таки чуточку слишком уравновешены, просты и односложны. Англичане и Шекспир - другое дело, но у Шекспира есть все. Это конечно не мешает любить мне Италию больше всего.³⁷ Сегодня утром, глядя на проходящих совсем простых людей, я думал, не лучше ли мне было бы быть прежним, хотя это и невозможно и нежелательно.

3 октября 1905

Вечером был у Чичериных, у них мне всегда вспоминается Лесков,³⁸ его прекраснотушные, чудаковатые, славные русские люди и светские дамы, и архиерей, и сектанты, что-то милое, теплое и петербургское. [...] Был молодой Чичерин³⁹ и Александр Феликсович. Молодой Чичерин напомнил мне Юлу и наше время гимназистами,⁴⁰ очень мне дорогое и мне стало светлее и веселее. Завтра бы новую жизнь. О дееспособность, чистота, легкость, где вы!

6 октября 1905

Вечером приехал Медем⁴¹ и взял слово, что я буду у Современников.⁴² Там была обычная компания. Несмотря на обычные словечки Нурока,⁴³ они все живо заинтересовались новой серией Александрийских песен,⁴⁴ находя их почему-то виртуозными. Возвращался я с Покровским⁴⁵ и опять он все время говорил о моей музыке, в сущности, очень лестное. На понедельник назначали у Нурока чтение моих "Крыльев", м.б., я там познакомлюсь с Сомовым.⁴⁶ У меня смешная мысль, чтобы он написал мой портрет.⁴⁷ В воскресенье отправлюсь к Костриц и Верховским. Мне было жаль, что вчера я не пошел с Современниками в ресторан. За обедом была Ек. Аполл. Ах да еще: я почти составил план сцен каких-то из Александрийской жизни⁴⁸ и хочу начать роман.

7 октября 1905

Вчерашнее посещение Современников, их внимание к моим вещам, их видимое удовольствие при каждом удачном штрихе, их понимание именно того, что я выше ценю, именно "хрупкие вещи" и "сладко умереть",⁴⁹ меня очень подбодрили.

9 октября 1905

Костриц решила писать портрет вечером с книгой, говорила, что Сомов наверно захочет писать мой портрет, что ему нравится мой роман, и пр., и пр. "Вня" ее забраковали. У Верховских, кроме всех их и Каратыгиных, была какая-то дама Бекетова, а их "жилец" и недавно приехавший Менжинский⁵⁰ прямо с митинга говорят, что дороги бастуют,⁵¹ для большого бойкота думается, что решено истребить всю царскую семью "с детенышами". У Верховских очень мило, но дамы что-то дуются. Каратыгин сказал, что у Нурока обязательно будут Сомов и Курбатов.⁵² И, к довершению удовольствия, я там забыл свой портфель. Возвращаясь домой мимо Зимнего Дворца с часовами, как при какой-нибудь Екатерине или Павле, я думал, как это далеко, как запустело, лишено всякого смысла кажется все это, и стоит он как исторический памятник, как дворец каких-нибудь Дожей. Юраша пел Шумана⁵³ по-немецки и Корсакова.⁵⁴ Как Корсаков похож на Пушкина и даже не в националистических мелодиях, как русско это все. И немецкое пение именно Юраши, и Корсаков мне напомнило далекие дни симфонических концертов, петербургского студенчества, увлечений Григом,⁵⁵ несколько прекраснодушное, идеальное и молодое и мне стало грустно. Азбука Бенуа⁵⁶ - море поэзии, там почти каждая вещь - перл по мысли или краскам. Куда Билибину.⁵⁷ Когда я уехал из Щелканова,⁵⁸ оказывается, что Надя Форм⁵⁹ очень жалела, что не поспела со мной поговорить и сказать, чтобы я не возражал, что то, что я пишу стихи, вот "Полтава" стихи, а пахнет "чесноком и рыбой", просто гадост, а не стихи.

10 октября 1905

Читал свои песни и роман⁶⁰ и даже не ожидал такого успеха и разговоров, где уже позабыли обо мне, как о присутствующем авторе, а сейчас планы куда поместить, что в переводе на французский это будет большой успех, т.е. то, что там есть в таком же роде, так низкопробно, сентиментально и цинично, что с моим "целомудренным" романом ничего общего не имеет. Понравилась более всего 1-я часть, вторая менее других была понята (слишком много проповеди), третью Нувель⁶¹ находит под влиянием "Красной лилии" Франса⁶² (но Нурок спорил). Было очень приятно видеть эти вопросы, обсуждения, похвалы лиц, вовсе не склонных к восторженности. Нашли, что очевидно мое дарование как драматического и сатирического писателя, т.е. диалоги сжаты, верны и имеют все points. Конечно, планы о возможности издания потом падут,

и я не обольщаюсь надеждой на минутный подъем, хотя Покровский очень убеждал меня печатать в "Содружестве", обещаясь устроить это очень скоро. Но для этого нужно будет рублей 100. Потом долго говорили о людях вроде Штрупа,⁶³ что у него есть человека 4 таких знакомых, что, как случается, долгое время они ведут, развивают юношей бескорыстно, борются, думают обойтись так как-нибудь, стыдятся даже после 5-ого, 6-го романа признания. Как он слышал в банях на 5-й линии почти такие разговоры, как у меня, что на юге, в Одессе, в Севастополе, смотрят на это очень просто, и даже гимназисты просто ходят на бульвар искать встреч, зная, что, кроме удовольствия, могут получить папиросы, билет в театр, карманные деньги. Вообще высказал достаточную осведомленность. Кстати я так попался; у него шурин Штруп. Вот совпадение. Вещи мои петъся вероятно будут.

11 октября 1905

Какая радость, какое облегчение. Сегодня, играя у Каратыгиных пролог "Гармахиса", я воочию убедился, что он никуда не годится и, как всегда, когда я сочиняю, сделан à froid, часто банален и неподвижен. Как нарыв, который лопнул, меня это облегчило. Снова я чист и свободен. Каратыгин говорил, что я произвел фурор и что Сомов, идя с ним домой, говорил, что он не читал и не ожидал ничего подобного. Жалко, что он моей музыки не оценил, но Каратыгин уверяет, что это потому, что тот, в сущности, не музыкант и до Дебюсси дошел постепенно. И почему мне хочется, чтобы зацепило именно Сомова, даже не Дягилева,⁶⁴ напр. Ольга Николаевна просила меня позировать. У Каратыгина была Соколова, но было уныловато и скучно, и вообще Остров⁶⁵ меня настраивает элегически. Наши на митинге, но, кажется, пошли рано, вечером были какие-то зарева, мысль о забастовках железнодорожников, митингах и т.п., темные улицы с казармами, огромное Марсово поле⁶⁶ с темнеющим на розоватом зареве собором Воскресенья,⁶⁷ все настраивало тревожно и романтично. Сегодня приходил Маркиан от Вольшакова, м.б., дело и уладится после забастовок. Рассказы Покровского об Одессе меня растревожили, и мысль о богатом южном городе с привольной, без запретов жизнью, с морем, с оперой и теплыми ночами, с доступными юношами меня преследует. Предпринять бы весной вылазку туда.

13 октября 1905

Сегодня запасали провизию, как на месяц осады. Сережа в восторге от справедливости и законности забастовок, но мне противны всякие насилия и безобразие (другого слова я не могу найти) все равно со стороны ли полиции или со стороны забастовщиков. Неделаньем выражать свой справедливый протест всякий может, но силой мешать отправлению насущнейших функций культурной жизни - варварство и преступление, за безнаказанность которого всецело ответит признавшее будто свое бессилие правительство. Кровь. Разве меньше ее пролилось в Японии за фикцию богатства и влияния, за политическую авантюру? Спокойствие нужно, хотя бы для этого все должны были лежать мертвыми. [...] У Современников все были в сборе, выбрали 9 романсов. У них мелькает мысль, что при неотделимости моего исполнения от моей музыки, не возможно ли мне выступить и певцом. Сомов в таком восторге от моего романа, что всех ловит на улице, толкуя, что он ничего подобного не читал и теперь целая группа людей (Л. Андреев,⁶⁸ между прочим) желают второе слушанье.

17 октября 1905

Никуда не выходя сегодня, я написал 3 главы романа. Я читаю Вюглон: Les amours de Clitophon, мило, местами ярко, тоньше м.б. Люиса,⁶⁹ но достаточно внешне и французисто. [...] Как жаль, что дневник 94-го года уничтожен..

18 октября 1905

Ненависть к популярному, к "для всех" и к болтовне пошлейшей меня снедает.⁷⁰

20 октября 1905

Настроение подавленное продолжается и по вине, может быть, политических неурядиц. Все рассказы, хвастовство демократов, сознание бессилия других партий, противны до последней степени. Их статьи в подпольных изданиях - риторика самого бурного тона. Я страшно устаю и с какою-то любовью думаю о Лескове: там свет, теплота, уютность. В январе ожидается междоусобная война. Лампада перед старинной иконой, долгая всенощная, далеко скит в снежном бору, яркое летнее утро в праздник над рекою, пенье девушек за шитьем в яб-

лочном саду: напрасно к вам стремится уже не могущая обнять вас моя душа.⁷¹ Где покой прежних лет? Где умершие милые люди? Где прошлогодний снег?⁷² О, противный, трижды противный, суетящийся политический и без красоты политический, дождливый город, ты хорош был бы только заброшенным, чтобы в казармах обедали солдаты и няньки с детьми в капорах уныло бродили по пустынным и прямым аллеям Летнего сада.⁷³

24 октября 1905

Мои замыслы, мои вкусы не поймут, быть может, и средние интеллигенты, и мне с ними скучнее, чем с совсем простыми "черносотенными"⁷⁴ людьми. Если бы я был не расщепленным, с восторгом бы я поборолся за старое и, отвернувшись к стене от непреложно долженствующего прийти, умер бы, думая о колоколах, жаркой горенке, бане и морозах. Но я потерял тот рай и не верю в вновь избранный, который я временами пророчески чую, и я устал, и это мне приятно.

25 октября 1905

Сегодня разбирался в сундуке и все вспоминал прошлое солнце и прошлые радости: нашу квартиру на Острове,⁷⁵ милую, милую маму,⁷⁶ мою платки в спальню или вышивавшую, или читающую, или готовящую завтрак. Помню, как Леонтьюшка кричал из передней "барынька" и потом стук его головы об пол, как мама побежала (Лиза была на рынке). Его болезнь, смерть, мои именины, ужасное время маминой болезни, когда вдруг я узнал другую маму, незнакомую, страшную, строгую; мутные глаза, неразборчивую, несвязную речь; первые по утрам в полутемной еще комнате, как, приехавши от о. Виктора с маслом и мадерой, я встретил у ворот Тимофея с более постным, чем всегда лицом, и он спрашивал, как мамино здоровье и что сказал доктор и что доктора часто обманывают и, дойдя до двери, сказал: "Уж вы не пугайтесь, барин, оне скончались". Первое я снял перстни (тогда их было много) и спрятал в жилетный карман. Помню тетю, растрепанную, плачущую в дверях, сконфуженную, уходящую сиделку, маму, белую, спокойную, еще на кровати. Потом пришли монашки, сразу стало уютно и определенно печально, я стал есть постное. Помню панихиды, на одной из вечерних куча народу, похороны при весенней ясной погоде, ту же церковь, где отпевали папу.⁷⁷ Начало моего одиночного хозяйства, разбор вещей, страх первое время, прелесть покупок самому, сам хозяин. Тишина,

пустынность и скука. И дальше, дальше. Снять бы мне квартиру или комнату на Охте, на Боровой, теплую, с клопами, зажечь лампадки, покупать провизию, есть постное и жить, по праздникам приходил бы Гриша, пил бы чай с просвиркой, светило бы солнце. Ах, Углич, Москва, русские города!

29 октября 1905

Как царь не понимает, что прекрасно или возможно или продлить жизнь и власть, став демократически монархом, или романтично стать во главе тольтыбы, черносотенцев, гвардейских опричников, попов из тех, что старого закала с деньгами, староверов (заем правительству они не покроют, но царю лично дали бы), запереться где-нибудь в Ярославле и открыть пугачевщину по Волге, вернув на время при московских колоколах власть, погибнуть прекрасно и удивительно.

11 ноября 1905

В театр не пошел, уступив билет Маковскому, и весь вечер читал "Загадочного человека" и др. Лескова. Моя комната с лампадой, теплой печкой приняла какой-то другой характер, и сидя на окне, в полутемной комнате и беседуя с Сережей о самодержавии, я был будто освещен какой-то вечерней зарей, которую можно принять и за утреннюю. О, темные лики, церковные звоны, кровь, удаль, белый царь, леса за Волгой и видя другое и зная другое и чувствуя, что вы погибаете, я стремлюсь к вам и люблю вас⁷⁸ и не боюсь осуществления своих мечтаний в митингах поморцев, сенновцев⁷⁹ и Николая II. Вы бедные, ничтожные, вы донесли сокровище и в новых сердцах и телах оно загорится ярко и угаснет, и обреченное на гибель не теряет от этого ни красоты, ни справедливости. И с какой-то новой любовью и пышностью я люблю Григория. Господи, благодарю тебя.

30 ноября 1905

В Нашей Жизни⁸⁰ меня выбрали как нельзя хуже... Общество современной музыки сделало большую ошибку, допустив к исполнению на своем вечере произведения М. Кузмина, являющего, как поэт и как композитор, полную бездарность; было страшно и обидно за слушателей, которым преподносились времена, казалось, совершенно произведения дегенерата, что-то в таком роде. Меня это конечно мало трогает, я ду-

маю, как и Современников.

3 декабря 1905

Написал слова "Мезени",⁸¹ главу Евлевсиппа⁸² и музыку 2-х последних Петербургов.⁸³

5 декабря 1905

Я написал этот дневник, будто он может попасть в чужие руки, но это так и должно, раз это касается не лично меня и не лично других. И притом я пишу так, как у меня запечателись впечатления.

23 декабря 1905

Вечером я задумал ехать в баню просто для стили, для удовольствия, для чистоты. Звал с собой Сережу, но он, к сожалению, не поехал. Пускавший меня, узнав, что мне нужно баньщика, простыню и мыло, медля уходить, спросил: "Может, баньщицу, хорошенькую потребуется?" - "Нет, нет." - "А то можно". Я не знаю, что мною руководствовало в дальнейшем, так как я не был даже возбужден. - "Нет, пошли-те баньщика". - "Так я вам баньщика хорошего пришлю", говорит тот, смотря как-то в упор. - "Да, пожалуйста, хорошего", сказал я растерянно, куда-то валясь под гору. - "Может вам помоложе нужно?" понизив голос, промолвил говорящий. - "Я еще не знаю", подумав, отвечал я. - "Слушаю". Когда смелыми и развязными шагами вошел посланный, я видел его только в зеркале. Он был высокий, очень стройный, с черными чуть-чуть усиками, светлыми глазами и почти белокурыми волосами; он, казалось, знал предыдущий разговор, хотя потом и отпирался. Я был в страшно глупом, но не неприятном положении, когда знаешь, что знают оба известную вещь и молчат. Он смотрел на меня в упор, неподвижно, русалочно, не то пьяно, не то безумно, почти страшно, но начал мыть совсем уже не двусмысленно. Он мне не нравился, т.е. нравился вообще, как молодой мужчина, не противный и доступный; моя, он становился слишком близко и вообще вел себя, далеко не стесняясь. После общего приступа и лепета мы стали говорить, как воры. "А как вас звать?" - "Александр." - "Ничего я не думал, идя сюда." - "Чего это... Да ничего... Бывает, случается мимо идут, да вспомнят. Запаса то у меня не много..." - "А сколько?" я сказал. - "Не извольте беспокоиться, если больше пожалеете, потом занесе-

те..." - "В долг поверите?" - "Точно так." - "А если надую?" - "Воля ваша..." - Я колебался. Тот настаивал. - "А вы как?" - "Обыкновенно." - "В ляжку или в руку?" - "В ляжку." - "Конечно, в ляжку чего лучше," обрадовался парень. Гриша, милый, красивый, человечный, простой, близкий, Гриша, прости меня! Вот уже правда, что душа моя отсутствовала. Как бездушны были эти незнакомые поцелуи, но, к стыду, не неприятны. Он был похож на Кускова en beau и все фиксировал меня своими светлыми, пьяноватыми глазами, минутами мне казалось, что он полоумный. Одевшись, он вышел причесаться и вернулся в серебряном поясе, расчесанный и несколько противный. Он был подбострастен и насилу соглашался садиться пить пиво, поблагодарил за ласку, за простое обхождение; главный его знакомый - какой-то князь (у них все князья), 34 л., с Суворовского, с усиками, обычные рассказы о покупках родным и т.д. Самому Александру 22 г., в банях 8-й год, очевидно на меня наслали профессионала. Он уверяет, что дежурный ему просто сказал "мыть", но он был не очередной, остальные спали; что в номера просто ходят редко, что можно узнать по глазам и обхождению. И, поцеловав меня на прощание, удивился, что я пожал ему руку. В первый раз покраснев, он сказал "благодарствуйте" и пошел меня провожать. Проходя сквозь строй теперь уже вставших баньщиков, сопровождаемый Александром, я чувствовал себя не совсем ловко, будто все знают, но тем проще и внимательнее смотрел на них. Собственно говоря, анекдот довольно скверный, тем более, что денег у меня совсем нет, хоть скрываться куда-нибудь.

4 января 1906

Розовый цвет мне всегда напоминает 1001 ночь, не потому ли, что там розовые дали. ⁸⁴

12 января 1906

После обеда приехал Нувель с "Крыльями". Он предложил послать их в "Руно", ²⁵ участвовать в "Факелах", ⁸⁶ познакомиться с Вяч. Ивановым ⁸⁷ и т.д.

18 января 1906

Чудная погода с утра была для меня отравлена мыслью идти к Ивановым. ⁸⁸ Решивши не ехать и несколько успокоившись, я написал даже,

но Нувель с Каратыгиным заехали, и я уступил. Поднявшись по лифту в 5-й этаж, мы нашли дверь незапертой и прямо против входных дверей длинный стол с людьми вроде трапезы. В комнате с скопченным потолком, в темно-серых обоях горели свечи в канделябрах и было уже человек 40 людей. Хозяйка, Гера, в красном хитоне⁸⁹ встречала гостей приветствием. Из знакомых мне были Евг. Вас. Аничков,⁹⁰ Сомов, Сеналов,⁹¹ Каратыгин и Нувель, а также Брюсов,⁹² Сологуб,⁹³ Блок,⁹⁴ Ремизов,⁹⁵ Рославлев,⁹⁶ Тэффи,⁹⁷ Аллегро,⁹⁸ Бердяев,⁹⁹ Габрилович,¹⁰⁰ Успенский,¹⁰¹ Ивановский,¹⁰² Мейерхольд,¹⁰³ Андрусон,¹⁰⁴ Добужинский.¹⁰⁵ Было красное вино в огромных бутылках и все пили и ели, как хотели. Габрилович читал длиннейший и скучный реферат "о религии и мистике", профессора возражали, а поэты и дамы куда-то исчезли, даже суровый Брюсов пошагал через всю комнату. Я несколько скучал, пока меня не вызвал Сомов в другую "бунтующую" комнату, где, за отсутствием стульев, все сидели на полу, читали стихи, кто-то про липу очень хорошо. Просили и меня, но мне казалось, что я ничего не помню, и я отказался. Брюсов хочет привлечь авторов "Зеленого сборника" в "Весы",¹⁰⁶ поэтому придет к Каратыгину в пятницу с тем, чтобы и я туда пришел. Нувель говорил, что он увлечен моею личностью до мелочей (он даже выразился: "чувственную влюбленность"); он был поражен художественным видом Сережи. В понедельник зовут Верховские. Звал Аничков и Сомов.

19 января 1906

Утром был у Чичериных, они оба только что вернулись, оба покраснели и имеют вид несколько угнетенный. После обеда поехал, имея полученные деньги, отдать долг Александру на Бассейную, но его не было налицо, он уехал по делам; я даже не ожидал, что это произведет на меня такое впечатление, я вдруг похолодел, закружилась голова, и все стало немило в мире. Ко мне прислали Ивана, безобразного, с острыми, обыкновенными веселыми глазками и бабьей фигурой. Я был так опечален, что не вижу солнцеподобного лица Александра, что даже пропустил мимо ушей, что тот недавно женился. Передав деньги для Александра Ивану, я поехал к Казакову, где пил чай, и потом к Современника. Играли песни Рegera.¹⁰⁷ Они хотят устроить вечер из моих вещей; играть и читать в небольшом зале с напечатанными словами для избранных человек 60 по повесткам, изгнав прессу, на первой недели поста. Что-то выйдет? И что будет с "Весами" и "Руном"? Как я жалею, как я оплакиваю, что не видел Алекс. лика. И он женился! Это тело, это лицо с женщиной! Va!

20 января 1906

После обеда отправился к Каратыгиным, там были Нувель, Нурок, потом Брюсов, он очень приличен и не без *charmes*, только не знаю, насколько искренен. Тут были сплетни про "Руно", Иванова и Мережковского,¹⁰⁸ он почему-то Юрашу представлял совсем молодым и потом заявил, что думает, что журнальная деятельность мне менее по душе. Но "Александрийские песни" будут в "Весах" не ранее апреля, положим, и если что вздумаю написать, чтобы прислал и что "Весы" будут мне высылаться. Не знаю, насколько это верно, так как главной целью его было за-вербовать Юрашу.

24 января 1906

Нижний, города на Волге, под Москвой, влекут меня неудержимо. И жизнь даже на Острове представляется мне утраченным раем. Наша квартира, окно в передней, мама, читающая или работающая, у окна, известность хозяйки, дворника, лавок, где мы брали, все планы, переходы и увлечения, чему свидетелями были стены и даже противная Лиза - все как-то кажется милым. О, города, небольшие, с церквями, река весною, уединенная, полураскольничья жизнь с Гришей, иконы. Господи, дай совершенья всему этому.

11 февраля 1906

Был у Нувеля, читал "Крылья", были Дягилев, Нурок, Сомов и Бакст,¹⁰⁹ ели померанцевое варенье. Днем был Гриша, который потом заходил в магазин.

16 февраля 1906

Мне прислали "Весы",¹¹⁰ меня это очень приодобрило. Бальмонт не лучше, не хуже, чем обычно, но рассказ Брюсова не уступает рассказам По, на которые он похож.

17 февраля 1906

Вечером был у Верховских, читал свою повесть; был Иванович,¹¹¹ у него сильный, но не совсем приятный голос, но он отлично музыкален и образован музыкально. Вернулся очень поздно; "Крыльями" я составил себе очень определенную репутацию среди лиц, слышавших о них, но не

знаю, к лучшему ли это. Впрочем, не все ли равно? Мне бы хотелось плюнуть на все, поселиться в углу и ходить только в церковь.

23 марта 1906

Утром мне прислали почетный билет на vernissage "Мира Искусства".¹¹² Это конечно очень лестно, и было бы полезно толкаться на виду, чем и приобретается известность, если бы, может быть, именно этим и не было мне неприятно. После обеда заехал Нувель, известия не особенно утешительные, я не знаю, как и быть, было что-то XVIII в. в нашем разговоре, в ясной заре, в моем положении и в моих авантюрах. Он ехал к Меражковскому, я заехал к Абрамову купить Саше пряник. Собственно, если бы я захотел, знакомства у меня, как у Лесковской "Воительницы", могло бы быть необъятным. Да, Нувель говорил, что молодые московские художники: Феофилактов,¹¹³ Кузнецов,¹¹⁴ Мильоти¹¹⁵ Сапунов,¹¹⁶ пришли в дикий восторг от моей музыки, и Феофилактов находит возможным уговорить Полякова¹¹⁷ издать ноты с его, Феофилактова, виныетка-ми.¹¹⁸

28 марта 1906

Были у Анджиновича, он был в бане, ждали его с час, перечитывал "На дне", мне больше прежнего понравилось и насколько много лучше "Дачников" и "Детей Сольнца".¹¹⁹

31 марта 1906

Прислали "Весы", меня печатают в числе сотрудников, в статье о В.С.М. Каратыгина¹²⁰ мне посвящены более или менее резкие, но, по моему, лестные строки.

1 апреля 1906

У заутрени был на Николаевской,¹²¹ пели недурно, но никакого сравнения с громовским, торопился домой, чтобы поспеть разговляться. Несмотря на дурное расположение духа, все-таки была та минута светлого ожидания, когда оставшиеся в церкви со свечами ждут возвращения крестного хода. О, всякие ожидания, как вы перкрасны, как сумрачна должна быть жизнь без ожиданий, без ожидания свиданий, счастья перемен.

6 апреля 1906

Был Нувель. "Крылья" мои не приняты. Я зачем-то кажется даже сам предложил ему прочесть свой дневник. Ведь лишенный всякого общественного и общего интереса, он занят только узко интересующимся моею личностью. Ну, все равно.

12 апреля 1906

Утром писал "Предосторожность"¹²² и написал. Нувель приехал поздно, пьеса, кажется, понравилась, читали дневник, потом он был несколько откровенен, рассказывая, как был на содомистском bal masqué у парикмахера, удивлялся моей надежде на собственную верность. Под большим секретом сообщил, что Вячеслав Иванов собирается устраивать Hafiz-Schenken, но дело первое за самими Schenken, причем совершенно серьезно соображает, что у них должно быть обнажено, кроме ног. Это как-то смешно.

14 апреля 1906

Пришел Нувель; во вторник днем пойдем к В. Иванову, где будет только Сомов, чтобы во время сеансов я читал свои вещи. На Hafiz-Schenken предполагается пригласить Иванова, Нувеля, Сомова, Городецкого,¹²³ меня и Бердяева. Надеются на мою помощь и советы. Должны ли быть Schenken сознательными? Дневник его заинтересовал, он говорил: "Черт знает, какую интересную жизнь вы ведете."

18 апреля 1906

Нувель говорит, что начал писать дневник по моему примеру. [...] Были у Ивановых, Сомов писал его портрет,¹²⁴ редко человек производит такое очаровательное впечатление, как Сомов, все его жесты, слова, вещи так гармонируют, так тонки, так милы, что самый звук "Сомов" есть что-то нарицательное. Я читал "Александрийские песни", "Предосторожность" и "Елевзиппа". Иванов нашел, что мой жанр, скорее всего, роман, что у меня "душный талант", протестовали против подделки. Они очень милы, и я бесконечно рад познакомиться с ними не только официально.

24 апреля 1906

Поехал к Нувелю в 10-м часу. Они сидели у открытого окна и поджидали меня. Вальтер Федорович читал свой дневник, очень интересно по моему. Вообще было очень славно. И я прочел Сомову дневник, он говорил, что он ahuri, что это бьет по голове, что, кроме интереса скандала, некоторым он мог быть толчком и даже исправлением, намекал на Иванова и Венуа. Кажется и действительно ему понравилось, хотя я менее всего думал, пиша дневник, о том, чтобы это нравилось кому-нибудь. Возвращался на свете и, с другой стороны, полная луна в широком желтом сиянии и беловатое небо отражалось в каналах, так тепло, так пахнет распускающимися листьями, а Саши нет, и деньги тощак. Из дневника Нувеля я узнал и касающееся меня кое-что неизвестное. Да, Самов нашел, что впечатление дневника бодрящее, что чувствуется любовь к жизни, к телу, к шлоти, никакого нытья. Hafiz-Schenken предполагается в субботу, гостей 8 человек, но к сожалению с дамами и без Schenken. Завтра последняя среда. Пойду.

26 апреля 1906

Вечером был у Вячеслава Иванова, была масса народу, сначала было очень скучно, так как участники "Адской почты"¹²⁵ отделились и заперлись в отдельной комнате. Но потом заговорили о "красивой жизни". Вячеслав Иванов говорил очень интересно и верно об эпохах органических и критических, трагизме и jardin d'Episcure, мне было неловко, что он вдруг заметил: "Вот прямо против меня талантливый поэт, автор Александрийских песен, сам александриец в душе".¹²⁶ Говорил Аничков ожесточенно, глупо и смешно, ругал почти в глаза все общество, которое гомерически хохотало и хлопало в ладоши, говорил, что эстетизм - мещанство, громил неотомщенную неверность жен, разврат, который конец всего, только не его речи. Пошли на крышу, рассветало, чудный вид, будто Вавилон. Городецкий читал стихи "Монастырская весна"¹²⁷ - очаровательно другие мне несколько меньше понравились. Внизу, продолжив несколько прения, читали опять стихи, и я прочитал "Солнце", "Кружись"¹²⁸ "Сомов" - Иванов превосходит.¹²⁹ Я слышал, как Сомов говорил какой-то даме, что нужно жить так, будто завтра нам предстоит смерть, будто из моего романа, т.е. вообще мысль, за которую я всецело стою.

2 мая 1906

Встал безобразно поздно. Пришла мысль, которой отдался всею душою: написать роман из Франции XVIII века из среды ремесленников-художников, старый еще быт, традиции, пестрота столкновений, миропостижений, авантюры. Но нужно мне подчитать, не столько для сведений, сколько для атмосферичности [...] Нувель еще не приезжал. Пришел Томамшев,¹³⁰ я в полутемноте наигрывал из "Предосторожности", как явился Вальтер Федорович. Он хочет написать музыку к "Предосторожности". Иванов был уже одет, Сомов одевал других, он врожденный костюмер. Пожалуй всех декоративней был Бердяев в виде Соломона. Я не ожидал того чувства начинания, которое пронеслось в молчании, когда Иванов сказал: (неразб.). И платье, и цвета, и сиденье на полу, и полукруглое окно в глубине, и свечи снизу, - все располагало к какой-то свободе слова, жестов, чувств. Как платье, непривычное имя "ты" меняет отношения. Городецкого не было, и сначала разливал Сомов, но потом стали все своими средствами доставать вино. И беседа, и все казалось особенным и к лучшему особенным. Я был крайне польщен, что Л.Дм.¹³¹ меня назвала Антиномом.¹³² Я крайне наслаждался, но печально, что не будет Schenken и что предполагается серия дам. По моему Schenken могли бы быть несознательные и даже наемные, с ними даже ловчее чувствовалось бы, чем например с тем же Городецким в качестве кравчего. Мои стихи толковались как какаля-нибудь канцона Кавальканти.¹³³ Утро было сероватое, когда мы разошлись. Нувель уговаривал меня не уезжать, бросить это, но он ошибается, думая, что я его в этом послушаюсь. Неужели я всегда верен? Завтра звали Ивановы, а в четверг и в пятницу хотели придти ко мне. Следующее чтение дневника Сомову и Нувелю тоже произойдет у меня. Уеду ли я в пятницу?

4 мая 1906

Был у Чичериных, страшная жара, даже заболела голова. После обеда лег заснуть, и голова прошла. Часов около 8 пришел Иванов, он долго беседовал со мной и все интервьюировал, иногда я сам не знал, что отвечать на вопросы: "Кому вы любите молиться? Ревнивы ли вы? Собираетесь ли жениться?" Я не знаю, нужно ли ему читать дневник. За чаем пришла и его жена, и было странно видеть диатиму,¹³⁴ говорящую о квартире и детях. С Ивановым мне было почему-то несколько тяжело и неловко. Но, конечно, они очень милы. С нетерпением жду понедельника. Скучаю по Саше.

5 мая 1906

Сейчас после Иванова пришли Сомов и Нувель. Читали дневники; Сомов меня убеждал перевести "Kater Murr",¹³⁵ играли старых итальянцев,¹³⁶ Сомов пел, у него полный, несколько меланхолический голос, и поет он сдержанно и стильно. Отчего он так упорен относительно моей музыки? Если бы он еще вообще отвергал все нестарое, но он понимает же и Вагнера и Дебюсси. Ça me tourmente. Сидели до 3 часов, мне было очень приятно так сидеть, почти молча, ничего не делая, перекидываясь словами. Мне страшно все равно, так все равно, как давно еще не было.

8 мая 1906

У Ивановых из новых были Бакст, Бердяева, Городецкий и Сережа. Все были в новых одеждах. Сомов принес мне книги XVIII века и подарил Orretti amorosi 1000. Я был ужасно польщен и обрадован. Видел книгу, которую давно стремился видеть: "К. Сомов". К сожалению, там не сказана цена, которую знать мне нужно, чтобы сообразить, когда можно будет приобрести эту книгу первую à acheter. В начале стесняла тайно Бердяева,¹³⁷ потом начала стеснять даже совсем и слишком явно, так что поднятый вопрос об ее исключении был принят почти единодушно. Может быть, я был слишком категоричен, так что она могла обидеться. В. Иванов читал свое стихотворение, Городецкий импровизировал. Все целовались, я не целовался только с Сомовым и Бердяевым. Играли на флейтах, пили, было шумно и несколько бестолково, пахло розовым маслом, платья были пестры. У меня все было розовое с белым и бледно-зеленым. Я был увлечен, но не был никем ранен, оттого, может быть, и показался Гипериону¹³⁸ мудрым. Утро опять было серое.

16 мая 1906

У Саши не был; в Троицу приказчики собираются в Сестрорецк и звали меня с собой. Сережа в восторге, получив ответ из "Руна", куда посылал своего "Колдуна".¹³⁹ Это, конечно, отлично, что первый шаг именно здесь. Нувель предложил и ему идти навестить Вяч. Иванова. Там уже был Сомов, Диатима сейчас же попросила Сережу сходить за хлебом; было очень скромно и почему-то весело. Вяч. Иванов был в духе, и даже приход Чеботаревской,¹⁴⁰ при которой так проговаривались, что пришлось почти посвятить ее, не помешал почти. Сережа читал свой рассказ и стихи. Нашли, что он моей школы и что это симптом моей ста-

рости. Много разговоров вызвал рассказ Лид.Дм. "33 урода",¹⁴¹ полнейший романтизма и написанный по-дамски. Мечты Вяч. Иванова об лейке и 3 {неразб.}, рассказы об голубом {неразб.} Кояри "под двойной лазурью", ползание Чеботаревской теперь уже не по Аничкову, а по Иванову, - все казалось очень милым. Я стал делать смесь из вина, сначала белое с мускатом, красное с мадерой, в обе подливал Peach Brandy, потом выжимал апельсин и даже подбавлял кюммель, вообще что-то невообразимое. Сомов стал пьянеть, но был еще мало, перешли на французский, потом на итальянский, потом на английский. Чеботаревскую носили на руках и клали на колени. Под флейты я с Нувелем плясали, потом я один, все целовались. Мне стало вдруг скучно, что я никого здесь не люблю (так особенно, не влюблен) и, главное, меня никто не любит и что я какой-то лишний соглядатай. Я вышел в комнату с зеркалом и прислонился к стене с флейтой в руках, в красной бархатной рубашке. "Toujours des roses maniérées", сказал вошедший Петроний¹⁴² и опять стал говорить, что я влюблен в Сомова и т.д. A force d'en parler, я кончу тем, что влюблюсь в него. Я заметил, что это невозможно. "С Сомовым гораздо возможнее, чем ты думаешь. Я могу это очень легко устроить. Ты не дожدهся, чтобы Аладин¹⁴³ сам что-нибудь предпринял". Я был несколько froissé. "Ты хвастаешь, зная, что я этого не захочу". Чеботаревскую предлагали для Гафиза,¹⁴⁴ который будет в понедельник. Сомов свободен, помимо Гафиза, только на будущей неделе. Когда же я уеду к Глазенапу?

22 мая 1906

Встал не рано, голова несколько кружилась и не хотелось есть. Утром приходил Степан от Казакова с просьбой дать денег, которых у меня у самого нет. Потом что-то разбирал дома, спал, пил чай, смотрел в окна на улицу и во двор, где в противоположной квартире Алексей что-то поправляет, он красивый, Алексей. Приехал Сережа, я стал одеваться, как приехал Нувель; он не стал дожидаться, так как ехал с вещами. Мы тоже поехали; Антон сказал: "Куда-то шампанское повезли" на мой завернутый вермут. Приехали рано, Вяч. Иванов был еще не одет и будто не в духе. Очень долго ждали Сомова, тревожась, так как долгое его отсутствие могло показывать плохое состояние его матери. Но он пришел. Городецкий приехал, когда Гафиз уже начался. Сегодня были отличны в своих костюмах: Бакст и Нувель, эффектен Соломон,¹⁴⁵ жесток Аладин и вообще каждый раз костюм новый пир для глаз. Сначала прочи-

тали стихи, потом принялись за мудрость, но дело подвигалось довольно сонно. И я не помню, как уж все стали приходить в Гафизское настроение, но я с Корсаром¹⁴⁶ плясали. Гиперион лежал распростертый, покрыв лицо голубым газом, и говорил, что он ничего не понимает. Диатима, против обыкновения, путешествовала по всем тюфякам. Городецкий из своего хитона устраивал палатки и смотрел сверху, покровительственно улыбаясь, как благосклонное божество, на обивавшихся внизу. Почему-то под палатку все попадали Диатима, Апеллес,¹⁴⁷ Аладин и я; потом я лежал, рядом был Петроний, сверху целовал Апеллес, поперек ног возлежал Гиперион и еще где-то (справа, на мне же) Диатима и Аладин. Когда поднимаешь голову вверх, высоко лицо Городецкого, как высокий Ярило¹⁴⁸ на палке. По очереди завязывали глаза и целовали, и тот отгадывал, и были разные поцелуи: сухие и нежные, влажные и кусающие, и *furtifs*. Вяч. Иванов будет писать роман в прозе "Северный Гафиз". Когда он сказал, что осенью может выйти "Северный Гафиз", я подумал, что это альманах.¹⁴⁹ Это страшно интересно, неинтересно только то, что они, и Сомов, и на время Нувель, собираются в Рим. И хотелось бы быть с ними и трудно будет без них, ах, как печально. Впрочем: "Как сладок весны приход после долгой зимы, после разлуки - свиданье". Первая фраза романа: "Принимая слабительное по средам, M-me de Tombelle в эти дни выходила только вечером, и потому я очень удивился, когда, проходя в 2 часа после обеда мимо ее дома, увидел ее не только в саду, но уже и в туалете."¹⁵⁰

23 мая 1906

Утром был разбужен молочником. Я одел верхнее платье на голое тело и принял через окно молоко. Приятно быть разбуженным мальчиком, и если бы я имел прислугу, завел бы мужскую, молодую и приятную на вид, или старых няnek. Ездили с Сережей в Маринскую, там ремонт зала, где мы всегда обедали, и пришлось сидеть в проходе, где бегают в кухню и было *revue* всех слуг. Дома переписывал "Александрийские песни". Пришел Иванов, он мне казался обиженным на что-то и слишком классическим. Советовал мне ехать в Москву, познакомиться с Поляковым, что я как член С.Р.Н.,¹⁵¹ он читатель "Московских ведомостей", декадент и утончен, можем сойтись. Говорил что я *inaccessible, supérieur*, спокоен, презрителен - я ушам своим не верил. "Откуда мне сие". И все, как я уйду, интриговал Сережу или о том, как трудно быть молодому поэту при давлении, или делал курбеты на счет соц.-демократии.

Может быть, это мне все так показалось, но Гиперион какой-то другой, будто подмененный.

24 мая 1906

Почему-то очень скучно. Может быть оттого, что нет авантюры такой, как я ее представляю. Что-то ничего особенного днем, был в магазине. Кудряшев говорит, что с хулиганами познакомит хоть сегодня, а в воскресенье пойдем в Таврический,¹⁵² там можете получить кого угодно, хоть песенника, хоть плясуна, хоть так просто постороннего молодого человека. Я утаил, что могу уехать в субботу. Перед Ивановыми мы с Сережей погуляли по Таврическому. Теперь ясность погоды установилась, только холодновато. У Ивановых еще никого не было, даже сам Вяч. Иванов был в "Адской почте". Мы читали в ожидании (неразб.), которого я целиком не читал, там есть чудные вещи, но мне несколько мешает слишком большое Пушкинианство и парнасство. Были все гафисты: М-м Бердяева, Ремизовы, Леман¹⁵³ и Маделунг¹⁵⁴ с какой-то датчанкой, говорящей только по-английски. Нувель говорит, что влюблен в Вячеслава, на выраженное мною полное недоумение сказал, что это только совпадение, Вячеслав - фельдшер какого-то полка, с которым он познакомился в Таврическом, фельдшер, любящий Шпильгагена и с которым можно иметь любовь; познакомившись в саду и которого зовут Вячеслава - это бесподобно. Я поздравил В.Ф. и немножко, может быть, ему завидовал. Со мной был почему-то очень любезен Ремизов, сказавший, что то, что он слышал обо мне, об иконах и т.д., о моих вещах, ужасно ему близко и радует его. Датчанка играла на одной скрипке то, что предполагает сопровождение, и на замечание Вяч. Иванова, что у нее хорошо выходит piano, заметила, что играет только на скрипке, а не на фортепиано, чем очень огорчила Гипериона. Потом поставили вопрос о поле. Бердяев председательствовал, лежа на полу между свечей со звонком, привязанным к ноге, и потом отлично говорил. С тем, что говорил Вяч. Из., я не был согласен ни с чем. Ремизов ехидно и коварно шутовался, все говорили врозь и потом долго отдельными группами с жаром и интересом. Диатима смотрела, будто готова сойти с ума. Говорил и Городецкий, как-то по новому освещающийся для меня. Потом остались одни Гафисты и долго еще беседовали о поцелуе, было очень много словесности и мережковщины, и я был очень рад, когда Сомов сказал, что скорее всего согласен с моим мнением, которое было найдено циничным. В пятницу придут Нувель и Сомов, завтра хотела зайти Диатима, в понедельник Га-

физ, во вторник предполагают позвать Бакста, так никогда не уедешь, а на что же я буду жить? Возвращались ясным солнечным утром, почти днем; я проводил Сомова и Нувеля до извозчика, Бакста - до дому и, вернувшись, влез в окно. Сомов дал мне томик Crebillon fils,¹⁵⁵ роман будет называться "Приключения Эмэ Лебеф" (Aimé Leboeuf)

25 мая 1906

Пришли Ивановы. Л.Дм. в белой широкой шляпе, в светлом платье, с перевязанным накрест желтым шарфом казалась моложавее. Меня смущало, что все говорили обо мне, играли меня и вообще я эманацировался в разных видах. "Александрийские песни" Диатиме очень понравились, но меня сердит, что все так восстанет против моего желания посвятить их Теофилактону.

29 мая 1906

На Гафизе не было Сомова, у которого умерла мать, и Бердяевых. Лидия Юдиф. очень стремится опять в Гафиз и только боится Кузмина и хочет писать челобитную в стихах, где Кузмин рифмуется с "жасмин", "властелин" и т.д. Городецкий читал прекрасные, прекрасные стихи:

Сердце мукой не томит,
Эль Руми, Эль Руми и т.д.

и еще:

В тесной палатке священный квадрат,
Мудрой Диатимы чающий взгляд,
Черная бездна очей Антиноя,
Взор Аппеллеса коварностей сад,
Глаз Аладина - молчанья цветы.

Что-то не клеилось все были грустны, Вяч. Ив. обижался на меня, Диатима тоже. И вот мне так ясно вспомнился зарезанный (какой ужас, именно зарезанный) кудрявый мальчик, сколько же ласкаемый мною, что я, отвернувшись, заплакал. Эль Руми¹⁵⁶ и добрая Диатима стали меня утешать и Л.Дм., целуя мои глаза и руки, говорила: "Милый мой, милый мой". Я вышел проплакаться за дверь, а потом Городецкий мне предложил вина и, притворяясь спящим, заставляя себя будить поцелуями, я стал шекотать ему пятки, он встал, и я очутился около него, я не помню только, отчего он меня обнял и я его гладила и целовал его пальцы, а он мою руку и в губы, нежно и бегло, как я всего больше люблю, и он сам все прижимал меня и не давал отстраняться и хвалил ласку моих

бровей. И Эль Руми, сидя против нас, пел нам хвалы, и Диатима, и Корсар были тут же и было что-то легкое и божественное, печальное и крылатое, и был новый лик Гафиза. На обратном пути я долго провожал Нувеля, он серьезно мне предлагает переехать к нему, рассказывал о Вячеславе, говорил, что чувствует ко мне дружбу, мне казалось, что я иду с Юшей Чичериным. Лучшее, что я мог придумать в смысле друга, только без его моралистики. Завтра пойду на панихиду к Сомову, а вечером к Баксту.

30 мая 1906

На панихиды не попал, Вечером был у Бакста. Городецкого не было, Вяч. Иванов был у меня и очень беспокоится за мою участь. У Бакста очень хорошо, но сам я был несколько кисел. Провожал Нувеля по Невскому и Морской¹⁵⁷ до Исаакия.¹⁵⁸ Я себя очень дружно с ним чувствую. Утро ясное и солнечное.

31 мая 1906

Поехал на Васильевский. Почему-то я велел ехать по Гагаринской, чтобы проехать мимо влекущих меня бань. Они двухэтажны, в первом - окна высоко, как в конюшне, во втором балкон с дверью. Вид восточный и заключенный, будто каменная стена и внутри будто сад. И сам этот угол, где сходятся 5 улиц, мне нравится, и рядом трактир, где горят большие лампы вроде фонарей и из окон, вероятно, видна Нева и закат. Я почему-то проезжал с большим трепетом, будто влюбленный, мимо всех этих домов. И возвращаясь, я опять велел ехать тут; на пороге стоял большой лысый мужчина с засученными рукавами в длинном с завязками, как у мясников, переднике, и тоненький мальчик лет 17, один в синей, другой в красной, а не в белых рубашках. Нева была ярко розовая разбитая рябью и было красиво, когда на спусках, где нет парапетов, фигуры прохожих все виделись на фоне воды. У Ивановых был Нувель, Бакст, Сюненберг¹⁵⁹ и потом кадеты: Котляревский¹⁶⁰ и Струве;¹⁶¹ они были убийственны, эти кадеты, и напугали, и загипнотизировали Вяч. Ив., так что после их ухода он долго сермонировал о судьбах России, о прогрессивной энергетике, об exelsior, деланьи дела, о человеке, как моральном существе и т.д. Это совсем к нему не идет и довольно нудно и для него, и для оппонентов. Только не веришь, что он говорит это серьезно и это еще более утомляет.¹⁶² Вяч. Ив. скоро обижается и многое принимает на свой счет. Нувель устал и взял ближайшего извозчика.

Завтра пойду к нему, там будет Сомов. Вернулся не очень поздно.

1 июня 1906

Вечером был у Нувеля, опять мне жалко покидать город. От тети обещанного письма о деле не было. Нувель и Сомов лежали на открытом окне, будто поджидая меня. Потом пришел Бакст, читали дневники, Бакст преинтересно рассказывал об Испании,¹⁶³ говорили о милом XVIII в., об Ивановых, хотели завтра придти посмотреть Вячеслава к Чернышеву мосту. Из окна Нувель нам крикнул: "Не сговаривайтесь" и Сомов с жестом любовных заговорщиков из комических балетов, молча, объяснялся со мною. На Героховой была драка, человек 8, с камнями.

2 июня 1906

Вскоре я увидел милую фигуру Сомова, я его очень люблю не только как мастера, но как человека и даже больше: я люблю его лицо, его глаза, коварные и печальные, звук его голоса, манеры, выражение, все проникнуто какой-то серьезной и меланхолической жеманностью. У Ивановых была Ремизова¹⁶⁴ и перевезенный рояль. Я опять поехал за нотами, когда я вернулся, читали новый рассказ Ремизова; я плохо понял, и многое не понравилось. Пели Гретри,¹⁶⁵ Шуберта¹⁶⁶ и итальянцев. Пришел Нувель и Бакст.

3 июня 1906

У Иванова пели арию Керубино из "Фигаро", какое опьянение, какая любовь.¹⁶⁷ Как после писать музыку. Пока жалкое, разбитое брэнчанье моя музыка. Сомов хорошо делает, что ее не приемлет, но я не могу не писать. Развращали Вяч. Иванова. Решил переехать к Нувелю в понедельник. Проводил его до Европейской,¹⁶⁸ где остановился Дягилев. В.Ф. думал, что я буду искать авантю по моему виду, но у меня было мало денег, прошел по Невскому, ничего не встретя и, вернувшись домой, поставил самовар, зажег свечи, приготовил белье на постели...

5.июня 1906

К обеду пришли Сомов и Бакст, потом все поехали к Ивановым. Дорогой я с Сомовым несколько меланхолически изредка говорили. У Ивановых долго не отворяли на наши звонки и стук, наконец В.И. показался раздетым. Они уже спали. Мы хотели тотчас уходить, но он задержал, читал

"Кормчие звезды", ¹⁶⁹ потом вышла и Диатима, опять было вино, споры о Дон Кихотах и Дон Жуанах, огромный об Уайльде. В.И. ставит этого сноба, лицемера, плохого писателя и малодушнейшего человека, запачкавшего то, за что был судим, рядом с Христом - это прямо ужасно. ¹⁷⁰ Ехали назад втроем. Может быть это нахальство переселяться к Нувелю? Ну все равно. И я не думаю этого.

9 июня 1906

Обедали у Коровиных, ¹⁷¹ они очень простые, добрые и милые люди, много играли: *La belle Héloène, Fille de M-me. Angot*, романсы.

10 июня 1906

После обеда хотели идти к Ивановым, я из дому, В.Ф. после свидания, но пришедший к обеду Бакст передал, что Дягилев просит В.Ф. прийти в Таврический. У Ивановых было тихо, прохладно, высоко, "не от мира сего", все ненависти и любви, вся игра чувств в каком-то безвоздушном пространстве. Они были очень, очень милы, добры, ласковы, но чувствовалась некоторая отдаленность. Просили опять дневника, не знаю, теперь не еще ли это невозможно, хотя я не боюсь огласки, но многого они могут не переварить.

11 июня 1906

Написал новый романс; идет дождь. Был Нурок, но скоро, позавтракав, поехал к Софье Васильевне. Финляндия, куда они поехали на дачу, оказалась удельным. Вернувшись, я застал Дягилева; скоро пришли Каратыгин и Медем, играли новых французов, *triste musique*, ни ясности, ни светлости, ни радости, ни даже нового ничего. Все музыкально, мертво и скучно. Не только Массне, ¹⁷² но Дебюсси - радость в сравнении с ними. Читали "Предосторожность" и играли музыку В.Ф.; все-таки чувствуется какая-то другая точка зрения, другие мысли, между тем, как с Нувелом и Сомовым редкое совпадение изгибов. Бакст бестолковее и вообще и в частности в идейности, Вяч. Иванов судорожно хватается за мозгологию. После обеда Нувель поехал в Павловск, а я домой.

NOTES TO KUZMIN'S DIARY

1. Karatygin; see note No.9 to the introduction.
2. Jurij Nikandrovič Verchovskij (1878-1956), poet and translator. Upon the encouragement of the Verchovskij family Kuzmin published his first work in the "Zelenyj sbornik stixov i prozy". Jurij Verchovskij was also a contributor to the collection. He is sometimes referred to as "Juraša" in Kuzmin's diary.
3. Pavel Pavlovič Konradi (?-1916), a writer and a journalist for the newspaper *Novoe vremja*; his work also appeared in the collection "Zelenyj sbornik stixov i prozy".
4. Claude Debussy (1862-1918), the modern French composer of whom Kuzmin was particularly fond of; see Kuzmin's poem to Debussy in his collection "Vožatyj", St.Peterburg 1918, 33.
5. Paul Dukas (1865-1935), French composer.
6. Čital roman: the novel in question is "Kryl'ja". "Kryl'ja went through four book editions in Kuzmin's lifetime (1907, 1908, 1910 ("Pervaja kniga rasskazov"), 1923, Berlin). Its first publication was in the journal *Vesy*, No.11, 1906, where it took up the entire issue.
7. Jean Adrien Antoine Jules Jusserand (1855-1932), French ambassador to the USA, 1903-1925. Of his many books, Kuzmin may be referring to "Histoire littéraire du peuple anglais" (Paris 1894), "Le roman au temps de Shakespeare" (Paris 1887); or perhaps "Le théâtre en Angleterre depuis la conquête jusqu'aux prédécesseurs immédiats de Shakespeare" (Paris 1878). (I am indebted to Prof. John Barnstead of Dalhousie University for this information.)
8. Sergej Abramovič Auslender (1886-1943), Kuzmin's nephew and a writer of "stylized" stories. After the revolution he became exclusively a children's writer. In 1937 Auslender was arrested for his pro-Kolčak sympathies dating back to the time of the Civil War. He was a contributor to Kolčak's newspaper *Sibirskaja reč'* during that period and published an overly complimentary pamphlet about Kolčak: "Verchovnyj pravitel': Admiral Kolčak", Omsk 1919 (?).
9. Arlotto Mainardi, Piovano (1396-1484), an Italian priest who was the hero of a collection of popular tales: "Motti e facezie del Piovano Arlotto" (1478-1488).
10. Alfred de Musset (1810-1857), a favorite writer of Kuzmin's. His work "Rolla" (1833) served as a model for Kuzmin's novel in verse "Novyj Rolla" ("Glinjanye golubki", St.Petersburg 1914, 131-194).
11. Shakespeare's work was greatly esteemed by Kuzmin throughout his entire life. In his dramatic work "Lesok" (Petrograd 1922) one part is entirely structured upon literary associations from Shakespeare. During his youth Kuzmin attempted to set to music

several of Shakespeare's sonnets. In a letter from that time (5-IX-03) Kuzmin conveys his admiration for one of them: "Ot soneta že Šekspira ja sam v vljublennosti i uveren, što on tebja plenit" (letter from Kuzmin to G.Čičerin, Saltykov-Ščedrin State Public Library (GFB) in Leningrad, manuscript section, fond 1030, op.1, ed.xr.54). Later on in his poetic chef-d'oeuvre "Forel' razbivaet led" one of the protagonists is shown reading the sonnets: "Vy tol'ko-čto ušli, Šekspir / Otkryt, dymitsja / papirosa .../ 'Sonety'! Kak nesložen mir" (M. KUZMIN, *Forel' razbivaet led*. Leningrad 1929, 14.) Kuzmin did traslate two-thirds of Shakespeare's sonnets, however during the terror of the thirties they were unfortunately lost (MALMSTAD, op.cit., 202).

12. Juša: Georgij Vasil'evic Čičerin (1872-1936), a childhood friend of Kuzmin's. who exerted a great deal of influence upon his cultural upbringing, Čičerin was Soviet Commissar of Foreign Affairs for twelve years (1918-1930). Kuzmin's and Čičerin's mutual correspondence has been partly published: G.B. KIZEL'STEJN, *Molodye gody G.V. Čičerina: po materialam neopublikovannoj perepiski*, in: *Prometej*, No.7. Moscow 1969, 231-233; S. TCHIMICH-KIAN, *Extraits de la Correspondance Mihail Kuzmin - Georgij Čičerin, Cahiers du Monde russe et soviétique*, XV (1-2), 1974. 147-181.
13. "Garmachis" - an unknown musical work by Kuzmin:
14. Varja: Kuzmin's sister, the mother of Sergej Auslender. At this time Kuzmin lived with his sister's family in St.Petersburg. Kuzmin dedicated his story "Kušetki teti Soni" (1907) to her.
15. Brought up as an Old Believer, Kuzmin lived for a number of years among their communities in the trans-Volga region (Saratov, Nižnij Novgorod, Vasil'-Sursk (Vasile)) and would often visit them later on; see: MALMSTAD, op.cit., 57-61.
16. Oloneckaja gubernija - an Old Believer center in Northern Russia.
17. Rasloli'nič'e -both of Kuzmin's parents were Old Believers. An Old Believer motif can be traced in much of Kuzmin's work.
18. Longus' pastoral love story "Daphnis and Chloe".
19. Anatole France (1844-1924), a great artistic favorite of Kuzmin's whom he labelled "a classical and lofty image of French genius" (M. KUZMIN, Anatol' Frans, in: *Rossiĭa*, No.4 (13), Moscow-Leningrad 1925, 281), figures in Kuzmin's well-known "manifesto" on clarity in prose "O prekrasnoj jasnosti" as an ideal model of logic in prose and as a worthy example for emulation; cf. *Apolon*, No.4 (January) 1910. 7-9.
20. Carlo Goldoni (1707-1793). The Venice of Goldoni, Gozzi and Longhi of the eighteenth century provides a backdrop for Kuzmin's play "venecianskie bezumcy" (1915) and his post-revolutionary short story "Iz zapisok Tivertija Penclja" (1921).
21. In all likelihood Kuzmin's stylized story "Povest' ob Elevsippe"

is meant here. He finished writing it on February 1, 1906; cf. KUZMIN, op.cit., vol.3, 708.

22. The eighteenth century was one of Kuzmin's best loved periods in history, see: ŠMAKOV, op.cit., 344.
23. Several years later Kuzmin registered a negative opinion of Giacomo Casanova (1725-1798) and his memoirs: "Čem bol'se čita-ju Kazanovu, tem men'se on mne pravitsja. Ničtožnyj i naglyj čelovečiško. Priključenija odnoobrazny po-chamski rasskazany" (KUZMIN, Češuja v nevide, op.cit., 103).
24. In 1919, in the series "The New Plutarch", Kuzmin published his biography of the eighteenth century charlatan occult figure Count Cagliostro: M.KUZMIN, Čudesnaja žizn' Iosifa Bal'zamo, Grafa Kaliostro, Petrograd 1919.
25. Kuzmin's nephew, Sergej Auslender, is frequently called "Sereža" in the diary.
26. "Primavera" - a painting by Sandro Botticelli (1445-1510). Kuzmin once remarked: "v živopisi ljubljy starye miniatjury, Botičelli, Berdsleja, živopis' XVIII vv. (ŠMAKOV, op.cit., 344).
27. Sir Edward Burne-Jones (1833-1898) - a Pre-Paphaelite painter and the "teacher" of Aubrey Beardsley.
28. Reference to Sergej Djagilev's famous "Exhibition of Historical Portraits" held at the Tauris Palace in St.Petersburg.
29. Vladimir Lukič Borovikovskij (1757-1825) - 18th century artist noted for his portraits; he also painted historical and religious scenes.
30. Dmitrij Grigor'evič Levickij (1735-1822) - a court painter during the time of Catherine the Great.
31. Лебрен: Elizabeth Vigée-Lebrun (1755-1842) - the favorite portraitist of Marie-Antoinette. Forced to flee France during the French Revolution Vigée-Lebrun settled in St.Petersburg for a time where she did numerous portraits of the Russian nobility.
32. Каравак: Louis Caravaque (1715-1754), portrait painter of Russian nobility.
33. Тончи: Salvatore Tonci (1756-1844), Italian artist who painted portraits of many Russian Illuminati of the 18th century.
34. Prince Feliks Feliksovič Jusupov, Count Sumarokov-El'ston the Younger (mladšij), 1887-1967. Jusupov achieved notoriety as one of Rasputin's assassins.
35. Valentin Aleksandrovič Serov (1865-1911) - neoimpressionist painter.
36. Victor Michajlovič Vasnecov (1848-1926); Nikolaj Nikolaevič Ge (1831-1894); Ivan Nikolaevič Kramskoj (1837-1887) - all members

of the Russian realist art movement - the "Peredvižniki".

37. For an investigation of Kuzmin's relationship to Italy see: V. MARKOV, Italy in Mikhail Kuzmin's Poetry, *Italian Quarterly*, No. 77-78, 1976. 5-18.
38. Nikolaj Semenovič Leskov (1821-1895). Kuzmin was especially fond of this writer, who depicted the Russian clergy and Old Believers with much sympathy.
39. molodoj Čičerin: perhaps a reference to one of Georgij Čičerin's brothers.
40. Both Kuzmin and Georgij Čičerin attended the same "gimnazija" (MALMSTAD, op.cit., 24-25).
41. A.D. Medem - a pianist and a member of the "Večera sovremennoj muzyki".
42. Throughout his diary Kuzmin calls the members of "Večera sovremennoj muzyki" - "Sovremenniki".
43. Al'fred Pavlovič Nurok (1863-1919), musical critic and one of the founding members of "Večera sovremennoj muzyki".
44. Kuzmin's "Aleksandrijskie pesni" were first published in the journal *Vesy* (No. 7, 1907), then later incorporated into his first book of poetry "Seti" (Moscow 1908). After the revolution the "Prometej" publishing house issued the "Aleksandrijskie pesni" twice, in 1919 and 1921.
45. I.V. Pokrovskij - a composer and a member of the "Večera sovremennoj muzyki".
46. Konstantin Andreevič Somov (1863-1939), a major painter of the "Mir Iskusstva" art movement. Kuzmin's extensive correspondence with Somov is held in the manuscript section of the State Russian Museum in Leningrad.
47. In 1909 Somov painted Kuzmin's portrait; in fact, two variants of this striking portrait exist. Furthermore, Somov illustrated the separate book edition of Kuzmin's short story "Priključenija Eme Lebefa" (1907), which Kuzmin dedicated to him. Somov also designed the title page of Kuzmin's collection of plays "Tri p'esy" (1907).
48. Perhaps Kuzmin had in mind a continuation of his earlier musical work "Evlogij i Ada, komedija iz Aleksandrijskoj žizni" (1904).
49. The phrase "xrupkie vešč'i" is taken from a poem (Mudrost') of the fourth cycle of the "Aleksandrijskie pesni": "Razve men'se ja stanu ljubit' / éti milye xrupkie vešč'i / za ix tlennost'?" see: M. KUZMIN, *Seti*, Moscow 1908. 183. "Sladko umeret'" is also from a poem of the "Aleksandrijskie pesni" (KUZMIN, *ibid.*, 186-187).
50. Vjačeslav Rudol'fovič Menžinskij (1874-1934) - political acti-

vist, later a Bolshevik and after the revolution was Deržinskij's right hand man in the Čeka. After Deržinskij's death in 1926 he became head of the OGPU. Surprisingly, in his youth, Menžinskij attempted his hand at belles-lettres and published his first and only piece of fictional writing in the "Zelenyj sbornik stixov i prozy". For more information, see: L.Ja. DVORNIKOVA, Avtor odnogo romana: pis'ma V.R. Menžinskogo k V.N. Verchovskomu, in: Vstreči s prošlym, vypusk 4, Mosćow 1982, 107-111.

51. dorogi basutjut: The ten months of uncessing political unrest, beginning with Bloody Sunday in January 1905, culminated in the "Great October Strike" - Russia's first general strike. On October 9th the Moscow Union of Railroad Workers went on strike; quickly other workers in many cities joined the strike movement. On October 12th the entire working population of St.Petersburg went out on strike.
52. Vladimir Jakovlevič Kurbatov (1874-1958), a physicist and chemist, was the author of several books on Russian architecture.
53. Refers to songs composed by Robert Schumann (1810-1856) to poems by Goethe, Heine, and von Eichendorff.
54. Nikolaj Andreevič Rimskij-Korsakov (1844-1908) - one of the numerous vocal works of this great Russian composer. At one time, Kuzmin studied under Rimskij-Korsakov at the St.Petersburg Conservatory (1891-1894).
55. Edvard Grieg (1843-1907) - Norwegian composer.
56. Aleksandr Nikolaevič Benua (Benois), (1870-1960), one of the founders of the "Mir Iskusstva" art movement and one of its leading painters. Benois' children's primer ("Azbuka" - 1904) was an exquisite example of fine printing enhanced by Benois' charming stylized illustrations for each letter of the alphabet.
57. Ivan Jakovlevič Bilibin (1876-1842) - a popular graphic artist and stage designer, whose work was based to a large extent on Russian fairy tales.
58. Ščelkanovo - the name of the Verchovskij family dacha in the Smolensk region. Also the name given to the Verchovskij-sponsored publishing house which put out the "Zelenyj sbornik stixov i prozy".
59. Nadja Forš - the sister of the writer Ol'ga Forš (1873-1961).
60. i.e. "Aleksandrijskie pesni" and "Kryl'ja".
61. See note No.8 to the introduction.
62. A. France - "Le lys rouge" (1894).
63. Štrup - one of the main protagonists of Kuzmin's novel "Kryl'ja".
64. Sergej Pavlovič Djačilev (1872-1929) - the great impresario was a friend of Kuzmin's. Kuzmin dedicated the story "Rešenje Anny

Mejer" (1907) to him.

65. Ostrov: Vasil'evskij-Ostrov one of the islands that make up the city of St.Petersburg.
66. ogromnoe Marsovo pole: "The Field of Mars" - a large park in St.Petersburg which borders Suvorov Square with its well-known statue of the Russian general.
67. Sobor Voskresen'ja: "The Cathedral of the Resurrection - the main architectural structure of the Smolnyj convent ensemble in St.Petersburg.
68. Leonid Nikolaevič Andreev (1871-1919) - a realist writer of the "Znanie" circle who distinctly disliked Kuzmin and his work, cf. Gor'kij i Leonid Adreev: neizdannaja perepiska, *Literaturnoe nasledstvo*, vol.72, Moscow 1965, 309, 528.
69. Pierre Louys (1870-1925) - it has been frequently and incorrectly stated that Kuzmin's "Aleksandrijskie pesni" are derived from Louys' "Chansons de Bilitis" (1894).
70. An echo of these musings can be found in a letter (10-XI-08) written by Kuzmin to Vjačeslav Ivanov: Блок пишет, что я сам виноват, что "большая публика" не видит моего настоящего лица. Но кто хочет, кто может - видит, а не довольно ли этого? И кроме личной большой любви ко всем Вам, мне дорого и просто, что Вы меня знаете (Lenin Library, fond 109).
71. This pious aspect of Kuzmin's personality was also noted by his boyhood friend, G. Čičerin, in an early letter to him (29-I-03), where he conjures up the devout religious setting of the Kuzmin household: "[...] poëzija žarko natoplennoj komnaty, tverdyj vseochvatyvajuščij mir, starye knigi, kožanye pereplety, Čet'iminej, Prolog - starina, blagočestivye predanija i narodnye pesni i opjat' vchodiš' k tebe kak v svjatilišče" (TCHIMICH-KIAN, op.cit., 175).
72. These lines are derived from Francois Villon's (1431-1463) famous work "Ballade des dames du temps jadis" with its refrain "Mais où sont les neiges d'antan?".
73. Letnij sad: "The Summer Garden in St.Petersburg was laid out by Peter the Great. During the 18th and 19th centuries it was a center of social and political life in the city.
74. černosotennye ljudi: The "Black Hundreds" - an archreactionary political group with strong pro-Russian and pro-monarchist sentiments tempered by a bitter resentment of all minorities.
75. Kuzmin's family lived on Mochovaja Street and on Vasil'evskij Ostrov in St.Petersburg; cf. Znosko-Borovskij, op.cit., 30.
76. Kuzmin's mother - Nadežda Dmitrievna Fedorova (1834-1904). On his mother's side Kuzmin was related to the well-known French actor Jean Aufresne, (1728-1804) (Kuzmin's great-grandmother was Aufresne's niece; cf. GPB, fond 103, ed.xr. 85).

77. Kuzmin's father - Aleksej Alekseevič Kuzmin (1812-1886). In a 1928 dictionary questionnaire Kuzmin wrote the following about his father: "Otec - byvsij morskoy oficer, potom služil po vyboram. Otcovskie predki - melkie pomeščiki Jaroslavskoj gubernii" (GFB, f. 1o3, ed.xr. 85).
78. A similar sentiment was voiced by Kuzmin years later in his poetic cycle "Russkij raj" - a paean to Old Russian scetarian cities (M. KUZMIN, *Vožatyj*, St. Petersburg 1918, 49-6o).
79. "Pomorcy" and "sennovcy" - two Old Believer sects.
80. *Naša žizn'* - a St.Petersburg daily newspaper that was in existence for two years (19o4-19o6). The unfavorable review of Kuzmin's music concerns a November 29th concert of "Večera sovremennoj muzyki".
81. Mezeni - an unknown musical work of Kuzmin's.
82. Kuzmin's short story "Povest' ob Elevsippe, rasskazannaja im samim" (published in *Zolotoe runo*, No. 11-12, 19o6).
83. muzyka 2-x poslednix Peterburgov: part of Kuzmin's large musical work entitled "Gorada". It is composed of three sections, each dedicated to one city: Uglič, Moscow, St.Petersburg. Cf. I. Glebov (Boris Asaf'ev), *Russkaja poëziija v russkoj muzyke*, Petrograd 1922, 141.
84. Colors had an important connotation for Kuzmin in his perception of icons: "V ikonach starych pisem preoblađaet zelenyj cvet, teni rezkie, svet vseгда krasočnyj" (CGALI, f.232, op. 1, ed. xr. 44).
85. *Fakeli* - a literary almanach of which three issues came out between 19o6-19o8. It functioned primarily as a literary vehicle for Vjačeslav Ivanov and his circle.
86. Vjačeslav Ivanovič Ivanov (1866-1949) - Symbolist poet.
87. Ivanovym: Vjačeslav Ivanov and his wife Lidiya Dmitrievna Zinov'eva-Annibal (1866-19o7), a very talented and sensitive writer, whose tragic early death put an end to a short, but promising literary career. This entry by Kuzmin marks his first appearance at the Ivanovs' "Tower". Lidiya Zinov'eva-Annibal in a private letter, written one day after this Wednesday, provided a long and detailed description of this "Tower" get-together with a list of all forty-two participants; see: Aleksandr BLOK: *Novye materialy i issledovanija*, book three, *Literaturnoe nasledstvo*, vol. 92, Moscow 1982, 235-236.
89. Lidiya Zinov'eva-Annibal was famous for wearing free-flowing, loose Greek chitons.
90. Evgenij Vasil'evič Aničkov (1866-1937) - critic and literary historian. His exhaustive scholarly work on folklore, "Vesennaja obrjadovaja pesnja na Zapade i u Slavjan" (vols. 1-2. 19o3-19o5), is a milestone in comparative literary studies. His work on mo-

dern Russian poetry, "Novaja Russkaja Poëzija" (1923), contains much that is valuable. Anickov became a professor at Beograd University after the revolution.

91. Vladimir Alekseevič Senilov (1875-1918) - composer, many of his works were performed at concerts of the "Večera sovremennoj muzyki".
92. Valerij Jakovlevič Brjusov (1873-1924). Brjusov's relationship with Kuzmin is discussed in the following article: G. CHERON, Letters of V.Ja.Brjusov to M.A.Kuzmin, in: *Wiener Slawistischer Almanach*, Band 7, 1981, 65-79.
93. Fedor Sologub (Fedor Kuz'mič Teternikov) (1863-1927). An investigation of an episode relating to Sologub's appearance in Kuzmin's prose recently appeared: G. CHERON, F. Sologub and M. Kuzmin: Two Letters, *Wiener Slawistischer Almanach*, Band 9, 1982, 369-374.
94. For information on Blok and Kuzmin, see: SUVOROVA, op.cit.
95. Aleksej Michajlovič Remizov (1877-1957). Kuzmin composed the music to his mystery play "Besovskoe dejstvo" (1907).
96. Aleksandr Stepanovič Roslavlev (1883-1920), a third-rate poet to whom Kuzmin dedicated one of his poems from his collection "Vožatyj" (pages 53-54).
97. Tëffi - the pseudonym of Nadežda Aleksandrovna Bučinskaja (1876-1952), a very popular satirical writer, sister of Mirra Lochvickaja - the "Russian Sappho".
98. Allegro: pen name of Poliksena Sergeevna Solov'eva (1867-1924), a children's writer who was the sister of the famous philosopher Vladimir Solov'ev.
99. Nikolaĭ Aleksandrovič Berdjaev (1874-1948) - philosopher. In his autobiography, "Samopoznanie", Berdjaev has left rather interesting reminiscences about Ivanov's "sredy".
100. Leonid Evgen'evič Gabrilovič (1878-1953) - critic.
101. Vladimir Nikolaevič Ivanovskij (1867-1931), philosopher, professor at Kazan' University.
102. V. Uspenskij - philosopher.
103. Vsevolod Emil'evič Mejerchol'd (1874-1940); when this great Russian director staged Blok's play "Balagančik" at the Komissarževskaja Theater (1906), it was with music by Kuzmin. Mejerchol'd's experimental production of Calderon's "La Devoción de la Cruz" (Poklonenie krestu) took place at the "Tower" on April 19, 1910.
104. Leonid Ivanovič Andruson (1875-1920), poet and translator.
105. Mstislav Valerianovič Dobužinskij (1875-1957), artist and stage

designer, composed the stage sets for Kuzmin's ballet "Vybor nevesty" at the theater-cabaret "Prival Komediantov" in 1918. In addition, he illustrated the book edition of Kuzmin's biography of Count Cagliostro (1919), as well as designing the covers for two of Kuzmin's works: the verse play "Vtornik Mëri" (1921) and the collection of poetry "Nezdešnie večera" (1921)

106. Concerning Kuzmin's participation in *Vesy* see: CHERON, Letters of V.Ja.Brjusov to M.A.Kuzmin, op.cit.
107. Max Reger (1873-1916) - the works of this German composer were included in the official concerts of "Večera sovremennoj muzyki", where Reger appeared in person to conduct his own work.
108. Dmitrij Sergeevič Merežkovskij (1866-1941), novelist and poet. Kuzmin in a review of Merežkovskij's verse dismissed it as being inferior to his prose; see: M. KUZMIN, a review of D.S.Merežkovskij's "Sobranie stichov", *Apollon*, No.2, 1912, 58-59.
109. Lev Samojlovič Bakst (Rosenberg, 1866-1924). This "World of Art" painter, along with Aleksandr Benua, was one of the most prolific stage designers for Djagilev's "Ballets Russes". Kuzmin's obituary of Bakst (the first one in the Soviet Union) appeared in the newspaper *Krasnaja gazeta* (December 31, 1924).
110. *Vesy*, No. 12, 1905 included Brjusov's story "Respublika Južnogo Krešta" and several poems by Balmont.
111. Ivanovič = Vjačeslav Ivanovič Ivanov.
112. The most noteworthy feature of the 1906 "Mir Iskusstva" exhibition was the inclusion of the works of the late Symbolist painter V.Ė. Borisov-Musatov (1870-1905).
113. Nikolaj Petrovič Feofilaktov (1878-1941) - the "Russian" Beardsley. The covers to Kuzmin's first book of verse "Seti" (1908) as well as to "Kryl'ja" (1907) were designed by Feofilaktov. The Aleksandrijskie pesni" were dedicated by Kuzmin to him.
114. Nikolaj Dmitrievič Kuznecov (1850-1926), portrait painter. Kuzmin's 1910 short comedy "Gollandka Liza" carried a dedication to Kuznecov.
115. Vasilij Dmitrievič Milioti (1875-1943) - the chief artist for the journal *Zolotoe runo*, known for his fine graphic work.
116. Nikolaj Nikolaevič Sapunov (1880-1912), stage designer of Blok's "Balagančik" and a "second generation" member of the "World of Art", designed the stage sets to Kuzmin's comedy "Gollandka Liza", which was performed at the "Dom Intermedij", one of Russia's first intimate theater-cabarets, on October 12, 1910.
117. Sergej Aleksandrovič Poljakov (1874-1942) - the financier and one of the founders of the "Scorpion" publishing house.
118. Kuzmin's pastoral "Kuranty ljubvi" was issued by the "Scorpion" publishing house (1910) in a deluxe edition with Kuzmin's own

music and illustrations by Feofilaktov and Sergej Sudejkin.

119. Gor'kij, on the other hand, was quite vicious in his appraisal of Kuzmin's work. He saw Kuzmin as part of a "šajka držani" (pointed out by Professor V. Markov in his pioneering article on Kuzmin's poetry: V. MARKOV. Poëzija Michaila Kuzmina, in: KUZMIN, op.cit., vol. 3, 425).
120. V. Karatygin, *Večera sovremennoj muzyki, Vesny*, No. 3-4, 1906, 71-73.
121. Nikolaevskaja: refers to the Cathedral of St. Nicholas (1753-1762). Kuzmin is describing the Easter church service.
122. Predostorožnost': "Opasnaja predostorožnost'" - a comedy by Kuzmin, which appeared in the collection "Tri p'esy" (1907). The play was dedicated to Nouvel, who had composed the music to it.
123. Sergej Mitrofanovič Gorodeckij (1884-1967) - an up-and-coming poet, for a while he was an intimate of Vjačeslav Ivanov's coterie.
124. Somov's portrait of Vjačeslav Ivanov hangs in the Tret'jakov Art Gallery in Moscow.
125. Adskaja počta - a political-satirical journal, which came out briefly in 1906 (four issues in all). The makeup of the journal was dominated primarily by Vjačeslav Ivanov's circle of friends.
126. Aleksandriec v duše: an echo of this appellation can be detected in Ivanov's public lecture of April 14, 1907 where he called Kuzmin a "podlinnyj otprysk aleksandrijskoj kul'tury" (V. IVANOV, O veselom remesle i umnom veselii, *Zolotoe runo*, No. 5, 1907, 54). However, when Ivanov included this lecture in his book of critical articles "Po zvezdam" (1909) the passage devoted to Kuzmin was deleted. The editors of Ivanov's "collected works" in reprinting Ivanov's article have drawn upon this collection and subsequently Ivanov's article appears without any mention of Kuzmin, cf. V. IVANOV, *Sobranie sočinenij*, III, Brussels 1979, 76.
127. Gorodeckij's poem "Monastyrskaja vesna" was included in the collection "Jar" (1907). When "Jar" was reissued as volume one of Gorodeckij's collected works, Kuzmin still thought highly of it to give the collection a very positive review on the pages of the journal *Apollon*, No. 5, 1910, 52-53.
128. The poems "Solnce" and "Kružites'" are from Kuzmin's "Aleksandrijskie pesni. KUZMIN, *Seti*, 188, 208.
129. Ivanov's poem "Terciny k Somovu".
130. Aleksandr Artem'evič Tamamšev (1888-?), poet.
131. L.Dm. = Liďija Dmitrievna Zinov'eva-Annibal.

132. Antinous - the Emperor Hadrian's favorite. Kuzmin was called Antinous by members of the "World of Art" group as well as by Ivanov's entourage at the "Tower". Vjačeslav Ivanov in his poem "Anachronizm", dedicated to Kuzmin, refers to him as a "pevec i sverstnik Antinoja".
133. *канцона Кавальканти*: Guido Cavalcanti (1255-1300), Italian poet whose poems are mainly concerned with love.
134. Diatima: Lidija Zinov'eva-Annibal's nickname among her intimate friends.
135. "Lebensansichten des Katers Murr" (1821) by E.T.A.Höffmann. Part two of Kuzmin's literary triptych "Lesok" (1922) uses a direct reference to Hoffmann's imaginary "cat" memoirs to fix the primary point of reference as corresponding to Hoffmann and his writings. Kuzmin in his well-known manifesto "On Beautiful Clarity" praised Hoffman for the crystal-clearness of his unrestrained fantasy (KUZMIN, O prekrasnoj jasnosti, op.cit., 6).
136. *igrali starych ital'jancev*: Somov in a letter of this period (21-VI-06) mentions this favorite pastime: "U Nuvelja i u Kuzmina naslaždašus' muzykoj, preimuščestvenno starikami ital'jancami i francuzami" (SOMOV, op.cit., 94).
137. Lidija Judifovna Berdjaeva (?-1945), N.Berdjaev's wife.
138. "Hyperion" was Vjačeslav Ivanov's nickname among friends at the "Tower".
139. Sergej Auslender's story "Koldun" appeared in *Zolotoe runo*, No.6, 1906, 41-42.
140. Aleksandra Nikolaevna Čebotarevskaja (1869-1925), translator and critic. Her sister was married to the writer Fedor Sologub.
141. L. Zinov'eva-Annibal's infamous short story dealing with lesbians; see: L.ZINOV'EVA-ANNIBAL, *Tridecat' tri uroda*, Moscow 1904.
142. Walter Nouvel was called "Petronius" by members of the "Tower". See Ivanov's poem "Petronius Redivivus" in the collection "Cor Ardens" (1912).
143. Aladin = K. Somov. V. Ivanov's closest friends had their own nicknames for meetings of the "Hafiz Club". Sometimes these nicknames would differ from those they had at the regular Wednesday meetings at the "Tower".
144. See the introduction for a discussion of the "Kabačok Gafiza".
145. Solomon = Berdjaev.
146. Korsar = Nouvel.
147. Apelles = Gorodeckij.

148. Jarilo - the Slavic god of fertility; a clear reference to Gorodeckij's "Jarilo" poems in his first book of verse, "Jar'".
149. In a letter to Kuzmin Somov does talk about "Severnyj Gafiz" as a collection of verse (primarily by V. Ivanov) dedicated to the meetings of the "Kabačok Gafiza" with illustrations by himself and Bakst: SOMOV, op.cit., 95. Unfortunately, this collection never materialized.
150. This "novel" turned out to be "Priključenija Ėme Lebefa".
151. S.R.N. = Sojuz russkogo naroda - an archreactionary political party.
152. Tavričeskij [sad] - a public garden in St.Petersburg. Ivanov's "Tower" was located nearby.
153. Boris Alekseevič Leman (1880-1945), poet, critic, translator. Under the pseudonym of "B.Diks" Leman wrote a favorable article on Kuzmin, see: B. DIKS, M.A. Kuzmin, in: M.Gofman (editor), *Kniga o russkich poëtaoh poslednego desjatiletija*, St.Petersburg 1908, 385-391.
154. Aage Madelung (1872-1949). See: *Letters from A.M.Remisov and V. Ju.Brjusov to Aage Madelung* (edited and introduced by P. Alberg Jensen and P.U.Møller), Copenhagen 1976.
155. Claude Prosper Jolyot Cr  billon fils (1707-1777). This French writer's colorful novels of adventure and intrigue, in all likelihood, influenced Kuzmin in the writing of "Aim   Leboeuf".
156. El' Rumi: Vjačeslav Ivanov's nickname among members of the "Hafiz Club".
157. Nevskij prospekt and Morskaja Street - two major thoroughfares in St.Petersburg.
158. Isaakija = St. Isaac's Cathedral.
159. Konstantin Aleksandrovič Sjunnerberg (pen name - K. Ėrberg), (1871-1942), poet and critic.
160. S.A. Kotljarevskij (1873-1941) - a member of the Cadet party and a friend of P.B. Struve.
161. Petr Berngardovič Struve (1870-1944), economist and historian, was a member of the Cadet party and the State Duma.
162. The late Gleb Petrovič Stuve characterized these remarks of Kuzmin's as being "downright silly" (personal letter of September 5, 1980).
163. In 1891 Bakst had visited Spain.
164. Serafima Pavlovna Remizova-Dovgello (1876-1943), A.Remizov's wife.

165. The comic operas of Andre Grêtry (1741-1813) exerted a certain influence upon Kuzmin's early drama (e.g. the "Tri p'esy" - 1907).
166. Franz Schubert (1797-1828). The songs of this romantic Austrian composer were much admired by Kuzmin.
167. The aria of the page Cherubino is from the opera "The Marriage of Figaro" by Mozart. Mozart was Kuzmin's favorite composer and his works figure prominently in his verse.
168. Evropejskaja [gostinica] - one of the oldest and most elegant hotels of St.Petersburg still functioning today.
169. Kormčie zvezdy - V. Ivanov's first book of poetry: St.Petersburg 1902.
170. Years later Kuzmin changed his extreme attitude towards Oscar Wilde to the point of admitting that he was "almost a man of genius" (čelovek počti genial'nyj), see: KUZMIN, Češuja v nevode, op.cit., 103.
171. Konstantin Alekseevič Korovin (1861-1939), neoimpressionist artist and stage designer.
172. Jules Massenet (1842-1912) - the excessive irony inherent in Massenet's opera "Thais" (based on Anatole France's novel of the same name) finds an echo in the farcical nature of Kuzmin's "religious" drama, the so-called hagiographical "comedies" (komedii) of 1908.

I wish to thank Professor Vladimír Markov of UCLA who kindly agreed to proofread Kuzmin's diary.

A p p e n d i x

Письмо В. Иванова Кузмину.¹

24-VII [1906]²

Милый Антиной, благодарю Вас, что помните Вашего любящего друга. Мне несказанно больно знать, что на Вашем прекрасном лице та же скорбная тень, та же печаль душевного страдания, как в день отъезда. Часто я думаю о возможностях и условиях счастья для Вашей слишком изящной и нежной души, устремленной из себя в жизнь, глядящей в жизнь слишком большими, слишком прекрасными глазами, влюбленной в жизнь с покорностью женской. (Кажется, впрочем, что жизнь сама - женщина и хотела бы покорствовать и подчиняться.) Много имен у счастья; наше счастье, кажется, зовется Гармонией. Друг мой, знаете ли что Вы, мнится мне, изменили самому себе? Не в этой ли измене - прѣтѣв ѡѣбѣос не отсюда ли и отрицание душевных мук? Кто меня любит, как Вы теперь, тот уж не покорствует это уж голод, ропот, неутоленная помогающаяся воля. Я не знаю, имеете ли Вы право на страстные глаголы (?) любви. Вы в своей сущности, - красота, милостивая, снисходящая, простая победительница, ничем не победимая, но свободно покорствующая, любимая, желаемая - и не желающая желаниями человеческого голода - царственная и потому осчастливливающая и сама, быть может, несчастливая, - во всяком случае не знающая острого счастья голодных и жадных, когда они неминуемы. В первую пору нашего знакомства Вы производили впечатление любящей гармонии и внутреннего обилия, целостного в себе и обуславливающего для Вас тот "мир" с людьми и вселенной, о котором любит говорить словами Гёте наш Renouveau.³ А теперь Вы далеко упали от этого внутреннего строя, от этой гармонии. Вы стали алкать. Целительно было бы Вам вернуться к этому интимному строю. Помните, как Вы вносили какую-то меру и порядок во всю свою жизнь: как Вы любили быть обрядовым в любимых формах душевного сосредоточения, как Вы распределяли свой внутренний занятый день, как в Вашем отношении к жизни неизменно сопутствовали Вам три хариты - харита приемлющая дар, харита дарящая и харита благодарящая. Ваша душа была стыдливой, умиленной, пленительной харитой - и так ждала она от жизни даров, и так принимала их, и так благодарила мгновение за его легкий дар. И в этом строе была Ваша верность себе и залог возможного для Вас счастья.

Быть может, и тот длительный кризис, который Вы переживаете в настоящую минуту с такою болью, опять вернет Вас этому прекрасному строю, показав Вам уклон Вам и закалив Вашу истинную волю благословляющего покорства и радостного приятия. Быть может, чары любимого Вами Поволжья восстановят Вашу душевную легкость и с нею истинность вдохновения Вашего творчества. В последнее время Вы злоупотребляли влияниями stimulants: они Вам не нужны.

Renouveau, вероятно, уже писал Вам. Он говорит, что видит Павлика.⁴

Передайте мой привет милому Ганимеду.⁵

Любящий Вас Вячеслав.

Рябушинскому⁶ я писал: "прошу о внимательном рассмотрении повести из античной жизни,⁷ которую Вам пришлет поэт М.А. Кузмин; это - истинное художественное произведение, по-моему эстетическому убеждению". Заезжайте-ка на возвратном пути в Москву!

В.И.

NOTES TO IVANOV'S LETTER

1. The original of Ivanov's letter is found in GPB, fond 124, ed. xr. 1793. This letter from Ivanov to Kuzmin continues and extends the discourse of Kuzmin's diary by an additional month. Thank you is given to Prof. Lazar Fleishman who helped me to decipher Ivanov's handwriting.
2. Ivanov's letter is dated by information from his correspondence; see: IVANOV, op.cit., vol.2, 756.
3. Renouveau = another nickname for Walter Nouvel.
4. Pavlik: P.K.Maslov - a close friend of Kuzmin's. The cycle "Ljubov' ètogo leta" is dedicated to him, cf. KUZMIN, *Seti*, M. 1908, 7-27.
5. Ganymede = Sergej Auslender.
6. Nikolaï Pavlovič Rjabušinskij (1876-1951), rich benefactor, publisher and editor of the journal *Zolotoe runo*.
7. Kuzmin's story "Povest' ob Elevsippe" did appear in *Zolotoe runo* later that year: No.11-12, 1906.